Р-89

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

8.

Стр.

449. Инквизиторы на Руси въ XVIII вѣкѣ. (Изъ современныхъ бумагъ) **А. А. Титова.**

480. Письма графа **Ѳ. В. Растопчина** къ супругѣ и дочери и замѣтки о 1812 годѣ.

508. Эпизодъ изъ жизни императора Николая Павловича. **В. Шимана.**

514. Изъ воспоминаній архіепископа **Леонида** о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ.

531. Съ Волги на Терекъ. Статья **П. Л. Юдина.**

545. Изъ записокъ мирового посредника былого времени. **Д. Броневскаго.**

563. П. П. Мезенцовъ. Некрологія.

568. Изъ бумагъ В. П. Барышникова.

576. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1857-й годъ.

587. Высочайшій указъ 31-го Августа 1825 года объ одеждѣ духовенства. **П. В. Знаменскаго.**

590. Стихотворныя шутки про Т. И. Филиппова.

591. Е. Э. Нотбекъ †.

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. 1789—1792.

РОСТОВСКІЙ ... МУЗЕЙ 26518

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1857-й годъ[1]).

1-го Іюня. Навѣстилъ насъ Даніэль Листъ, сынъ Франца Листа, очень даровитый молодой человѣкъ, но не очень крѣпкаго здоровья. Говоря со мной о своихъ дѣтяхъ (изъ коихъ двое, Даніэль и Козима, были вылитые его портреты) и о пріѣздѣ ихъ въ Веймаръ, Францъ Листъ коснулся и ихъ матери, графини д'Агу (извѣстной писательницы Даніэль Стернъ). «Она меня ненавидитъ», говорилъ онъ мнѣ, «какъ только можно кого-нибудь ненавидѣть; я, со своей стороны, отнялъ отъ нея моихъ дѣтей, не позволивъ ей ихъ воспитывать и передалъ ихъ моей матери, которая поселилась съ ними въ Парижѣ. Бландинъ вылитый портретъ ихъ матери» [2]).

6-го Іюня. (25-го Мая). Принято думать, что въ Германіи люди живутъ одной только прозой, что дамы сидятъ съ чулкомъ или вязаньемъ, съ крючкомъ въ рукахъ, пьютъ кофе, или читаютъ сентиментальный романъ; но это ошибочное мнѣніе. И онѣ увлекаются природой. Два знакомыхъ намъ семейства, мои сестры, братъ Андрей и я, мы отправились на вершину горы Инзельбергъ, въ Тюрингенскомъ лѣсу, посмотрѣть на восходъ солнца. Изъ Веймара до Винтерсгаузена мы ѣхали по желѣзной дорогѣ и конкой, а оттуда per pedes apostolorum на гору. Добравшись до вершины горы, гдѣ выстроенъ маленькій домикъ для любителей смотрѣть на восходъ солнца, мы нашли тамъ для отдыха единственную свободную маленькую комнату. Мальчики отправились спать въ кухню, а мы, разложивъ на полу плэды, устроились на нихъ, какъ ложатся Французскіе солдаты въ своихъ палаткахъ: головой къ стѣнѣ, ноги на середину комнаты. Ложась, мы отдали приказаніе разбудить насъ въ половинѣ второго часа ночи. Но

---

[1]) См. выше, стр. 438.

[2]) Козима была сначала замужемъ за Гансомъ Бюловымъ, затѣмъ за Рихардомъ Вагнеромъ; Бландинъ вышла замужъ за Оливье, послѣдняго министра императора Наполеона III-го.

лечь и спать большая разница. Наиболѣе возбужденныя горнымъ походомъ принялись болтать; разсказамъ и анекдотамъ не было конца, смѣхъ не прекращался; словомъ, когда хозяйка пришла насъ будить, многія изъ насъ еще не смыкали глазъ. Въ три часа, на свѣжемъ и очень прохладномъ воздухѣ, намъ подали кофе, молоко и хлѣбъ; очень быстро все было уничтожено. Но вотъ на горизонтѣ показалась заря, предвѣстница восхода. Всѣ вскочили и выбѣжали, чтобы не пропустить главной минуты. Солнце величественно и плавно выплыло изъ густого тумана, покрывавшаго лѣса и горы, поднялось надъ нами и озарило насъ всѣмъ своимъ блескомъ. Зрѣлище было дѣйствительно чудно-поэтичное, такъ что никто не жалѣлъ, что усталъ и не спалъ, все было забыто, и только съ бо̀льшимъ аппетитомъ сѣли всѣ подъ открытымъ небомъ допивать свой кофе. Спускаясь съ горы, мы направились черезъ скалистый ровъ Felsengrund въ Рейнгартсбрунненъ, одинъ изъ живописныхъ лѣтнихъ дворцовъ герцога Готскаго, окруженный великолѣпнымъ паркомъ и лежащій въ лѣсной гористой мѣстности. До самаго вечера наслаждались мы великолѣпной природой, а въ 11 часовъ вечера благополучно вернулись въ Веймаръ.

8-го Іюня (27-го Мая) вернулся Листъ изъ путешествія съ лѣчебною цѣлью. На слѣдующій день я его видѣла; онъ говорилъ, что ему стало легче, хотя онъ все еще не вполнѣ хорошо себя чувствовалъ. Онъ много меня разспрашивалъ о моемъ пребываніи въ Россіи и радовался, что я не сожалѣла о своей поѣздкѣ.

Не смотря на оппозицію, которую Лейпцигъ оказывалъ Веймару, Листъ въ Февралѣ дирижировалъ въ Gewandhaus свои симфоническія поэмы, Мазепу и «Les Préludes». Эта новая форма оркестровыхъ сочиненій возбудила много толковъ и нападокъ противъ Листа, но онъ не любилъ приклеиваться къ существующимъ формамъ; все, что̀ онъ написалъ (концерты, сонаты, рапсодіи, наконецъ симфоническія поэмы), все онъ облекалъ въ новыя формы. Понятно, что Лейпцигскій классицизмъ, съ профессоромъ Яномъ во главѣ, сильно возставалъ противъ этихъ нововведеній; но извѣстно, что и Берліозъ нисколько не стѣснялся формой, а писалъ по влеченію. Обыкновенная форма симфоніи, состоящая изъ четырехъ частей, была истощена геніальнымъ перомъ Бетховена; одинъ только Шуманъ строго придерживался означенной формы. Отступили отъ нея первыми Берліозъ и Листъ; но такимъ геніямъ это позволительно, потому что они сочиняютъ по внутреннему побужденію, тогда какъ молодые писатели, не опираясь на старое, самовольно измѣняютъ формы, не имѣя на то достаточно таланта. Вотъ почему такъ сильно возстаютъ противъ молодыхъ писателей, которые безо всякаго основанія измѣняютъ или уничтожаютъ суще-

ствующіе законы. Посмотримъ, какъ Вагнеръ постепенно выработалъ свою музыкальную драму. Онъ первый писалъ самъ свои либретто, къ чему его побудили нелѣпость существовавшихъ либретто и безсмысленный переводъ на Нѣмецкій языкъ классическихъ оперъ Глюка, Моцарта и Бетховена. Эта безсмыслица и способствовала упадку пѣнія, потому что артисты, видя, что слова нисколько не соотвѣтствуютъ музыкѣ, что часто удареніе на словѣ падаетъ на слабую часть такта, понятно переставали ясно выговаривать, и въ продолженіе 30-ти лѣтъ искусство пѣнія, стоявшее еще такъ высоко при супругахъ Гассе, Каталани и т. д., пало до неузнаваемости. Первая опера, которую написалъ Вагнеръ, была «Rienzi»; по общему строю она немного отличалась отъ существовавшихъ въ то время оперъ, то есть она также состояла изъ разныхъ пьесъ и речитативовъ, не соединенныхъ между собой. Услыхавъ свою оперу, Вагнеръ понялъ существующія въ ней ошибки, то есть, что его опера—такая-же мозаичная работа, какъ и всѣ остальныя. Тогда на пути изъ Риги (гдѣ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ состоялъ капельмейстеромъ) въ Дувръ, во время бури, у него зародилась мысль написать оперу «Летучій Голандецъ». Эта опера впервыи дала соединенныя между собою отдѣльныя музыкальныя пьесы, такъ что впечатлѣніе получалось болѣе цѣльное. Онъ также раздѣлилъ инструменты и приложилъ соотвѣтствующіе характеру каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Это былъ первый видимый шагъ его музыкальной драмы. Затѣмъ слѣдовали Тангейзеръ и Лоэнгринъ. Послѣдняя опера, по богатству инструментаціи, тонкости отдѣлки, поэтической обработкѣ либретто, не можетъ быть и сравнена съ «Rienzi». Лоэнгринъ составляетъ, такъ сказать, основаніе для дальнѣйшихъ его твореній.

Какъ все новое, драмы Вагнера встрѣтили сильную оппозицію со всѣхъ сторонъ, и во-первыхъ, со стороны самихъ музыкантовъ, которые до него писали оперы и, не сознавая правдивости направленія Вагнера, должны были убѣдиться, что онъ своимъ Лоэнгриномъ прекратилъ будущность ихъ оперъ. Когда его драма, чисто-Германскаго характера, укоренится въ своей родинѣ, и театральное дѣло преобразуется и станетъ на чисто-художественную почву, чѣмъ оно должно быть по своему внутреннему и внѣшнему характеру, какъ высшее артистическое учрежденіе, тогда только пошатнется нынѣ господствующее царство современныхъ композиторовъ и ихъ оперъ, служащихъ только къ изученію существующихъ ненормальностей въ оперномъ дѣлѣ. Театральныя представленія еще слишкомъ далеки отъ вѣрной передачи переживаемаго и представляемаго; пока это еще только карикатурныя повѣствованія, къ уничтоженію коихъ должны бы стре-

миться всѣ соединенныя музыкальныя силы, чтобы, наконецъ, одно изъ самыхъ высшихъ искусствъ заняло то мѣсто, которое ему предназначено. Только однѣ классическія вещи, ради интереса, который онѣ представляютъ въ музыкальномъ отношеніи, сохранятъ свое значеніе для будущаго поколѣнія, какъ историческіе памятники развитія оперы. Но оперы Обера, Мейербера, Верди и многихъ другихъ, даже въ музыкальномъ отношеніи не представятъ никакого интереса для будущаго поколѣнія.

Въ виду сильной оппозиціи, драмы Вагнера распространялись очень медленно и если бы не Листъ, онѣ, пожалуй, были бы преданы забвенію. Въ Дрезденѣ впервыя давали «Rienzi», но послѣ несчастнаго 1848-го года, не только сочиненія Вагнера, но и самъ онъ былъ изгнанъ изъ предѣловъ Саксонскаго королевства. Удивительно, что дочь императора Павла I-го сдѣлала день своего рожденія и свою столицу колыбелью Вагнеровскихъ драмъ: 4-го (16-го Февраля) 1849 года, она приказала дать оперу Вагнера. Два года спустя давали уже Лоэнгрина въ первый разъ въ Веймарѣ. Листъ всегда самъ изучалъ и дирижировалъ эти оперы. Со всѣхъ сторонъ Германіи пріѣзжали ихъ слушать. Частные и городскіе театры ставили ихъ на свои сцены, но всѣ придворные театры воздерживались отъ этого. Наконецъ король Прусскій, убѣжденный принцессой Августой, далъ приказаніе поставить оперу въ Берлинѣ въ 1856 году, а зимой того же года «Тангейзера» давали въ Мюнхенѣ. Въ то время Мюнхенскій дворъ поддерживалъ живопись и скульптуру, музыка была дѣломъ моды, и Вагнеровскія оперы въ особенности оказались богатыми вкладчицами въ театральныя кассы. Послѣ этого послѣдовало представленіе въ Вѣнѣ, и сильная борьба, которую Листъ велъ за распространеніе Вагнеровскихъ драмъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Не такъ счастливъ былъ онъ на счетъ помилованія Вагнера, который тосковалъ и бѣдствовалъ, еле перебиваясь; но всѣ просьбы, не только самого Вагнера, Листа, но и многихъ изъ членовъ королевскихъ семействъ Германіи, получали рѣшительный отказъ отъ короля Саксонскаго. Эти попытки вызвали только возобновленіе требованія о выдачѣ его Саксонскому правительству, съ приложеніемъ портрета Вагнера. Вагнеръ просилъ только позволить ему пріѣхать въ Веймаръ, чтобы присутствовать на одномъ представленіи «Лоэнгрина», самъ даже не желая поселиться снова въ Германіи. Онъ не хотѣлъ навсегда покинуть красивую природу, спокойствіе для своихъ работъ и уединенную жизнь, которую онъ велъ въ Цюрихѣ. Но понятно, что, какъ писатель, онъ желалъ услышать исполненіе своихъ произведеній.

Наконецъ, чтобы услышать своего «Тангейзера», онъ, въ 1853 году, отправился въ Парижъ, гдѣ Наполеонъ III оказалъ ему покровительство. Но можно себѣ представить, какъ немузыкальная Французская публика и критика (за исключеніемъ Эскюдіе) приняли музыку Вагнера; да въ этомъ случаѣ и нельзя ихъ винить: Вагнеръ съ головы до ногъ Нѣмецъ; его музыка чисто-Нѣмецкая; понятно, что Французскій характеръ никогда ея не пойметъ. Вообще въ то время во Франціи музыка стояла такъ низко, что подобная попытка казалась даже смѣшной. Слѣдуетъ вспомнить, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ только Бетховенскія симфоніи были популяризованы Паделу́. Вебера едва знали по имени; какъ ни странно, но въ Италіи до сихъ поръ Вебера совершенно не знаютъ. Большихъ денегъ стоила друзьямъ Вагнера постановка «Тангейзера» въ Парижѣ. Княгиня Меттернихъ поддерживала его своей силой. М-me Калерджи, племянница Нессельроде, израсходовала навѣрно до десяти тысячъ франковъ для печатнаго слова въ пользу Вагнера. При такихъ обстоятельствахъ музыка Вагнера не могла держаться во Франціи, тѣмъ болѣе, что мы уже видѣли, какъ самъ Французъ Берліозъ принужденъ былъ посѣтить Россію и Германію, чтобы слышать свои сочиненія. Теперь дѣло совсѣмъ иное: къ удивленію всѣхъ, Французская музыка совсѣмъ неожиданно получила большой толчокъ, и цѣлый кругъ очень талантливыхъ молодыхъ композиторовъ обращаетъ на себя вниманіе музыкальной публики; назовемъ только Тома́, Сенъ-Сенса, Шабріэ, Фора, Массенэ и т. д.

19-го Іюня. Пришла къ намъ съ сыномъ своимъ и съ С. А. Рачинскимъ Каролина Карловна Павлова, извѣстная своимъ дарованіемъ писать стихи одинаково хорошо по-русски, по-нѣмецки и по-французски. Ей было за 60 лѣтъ; она странствовала по Европѣ, избѣгая домашняго очага. У нея былъ единственный сынъ, который составлялъ ея счастіе. Она была очень честолюбива и занята собой. Выраженіе ея блѣднаго исхудалаго лица и темныхъ глазъ очень живое; она была очень нехороша собой, но это не мѣшало ей въ нарядѣ предпочитать розовый и другіе цвѣта, предназначенные для молодежи. Я находила, что въ ней одного недостаетъ — это чувства женственности, тонкаго и изящнаго вообще. Она много и хорошо рисовала и неоспоримо была женщина очень даровитая. Она охотно и образно разсказывала и говорила интересно, хотя часто повторялась; къ сожалѣнію голосъ ея былъ утомителенъ, какъ говорится по-французски, une voix fauque; при этомъ она говорила неутомимо-много. Она довольно долго жила въ Веймарѣ и бывала у насъ ежедневно, но я постоянно уходила, будучи не въ силахъ долго слушать ее: такъ ея голосъ дѣйство-

валъ на мои нервы*). Понятно, она горѣла нетерпѣніемъ познакомиться съ Листомъ. Хотя безъ спроса я неохотно утруждала его визитами, но на этотъ разъ рѣшилась идти къ нему съ нею и ея сыномъ. Нужно сказать, что Каролина Карловна, видя меня занятою сочиненіемъ оперы «Лорелей» (съ текстомъ Ранке), предложила мнѣ написать оперный текстъ. Я была очень этому рада, такъ какъ поэтовъ для сочиненія хорошаго текста очень мало и извѣстные поэты неохотно берутся за эту неблагодарную и трудную задачу. Въ разговорѣ я сообщила Листу о предложеніи Каролины Карловны, и онъ спросилъ ее, какой она выберетъ сюжетъ. На ея отвѣтъ, что она еще не рѣшила, онъ изложилъ ей свой взглядъ на либретто существующихъ оперъ. «Всѣ они, за исключеніемъ Вагнеровскихъ, сказалъ онъ, ошибочны. Единственный благодарный сюжетъ для оперы это—миѳъ. До сихъ поръ выбирали для либретто событія, изъ которыхъ выходили подходящіе характеры. Слѣдуетъ дѣйствовать прямо наоборотъ: выбирать личности съ характеромъ и затѣмъ дать развиться событіямъ. Я высказалъ свое мнѣніе о либретахъ въ статьѣ о «Робертѣ» Мейербера». Далѣе разговоръ коснулся положенія артистовъ въ Россіи. Листъ находилъ, что артисту очень трудно проложить себѣ дорогу въ Россіи, потому что утверждаетъ его артистомъ не мнѣніе публики, а рѣшающая сила — мнѣніе двора, которое, понятно, зависитъ отъ случайности. Пройдутъ столѣтія, пока это не измѣнится. Молодой Павловъ замѣтилъ, что лучше назвать ребенка своимъ именемъ; что искусство можетъ процвѣтать только тамъ, гдѣ дана свобода думать и дѣйствовать, такъ какъ искусство и мыслитъ и дѣйствуетъ свободно. При этомъ случаѣ Листъ разсказалъ слѣдующій разговоръ, который онъ имѣлъ въ Павловскѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ на счетъ Глинки. Листъ гулялъ съ графомъ Михаиломъ Віельгорскимъ, и они встрѣтили великаго князя, который, взявъ Листа въ сторону, спрашиваетъ его: «Dites donc, est-ce que c'est une mauvaise plaisanterie à vous de trouver Glinka un génie?» Листъ отвѣчалъ ему, что это его глубочайшее убѣжденіе. Въ другой разъ великій князь сказалъ: «Вмѣсто того, чтобъ по-

*) Весною 1858 года К. К. Павлова читала въ Московскомъ Обществѣ Любителей Русской словесности выдержки изъ своего перевода Шиллеровскаго Валенштейнова Лагеря. С. А. Соболевскій не былъ въ этомъ засѣданіи и на другой день писалъ намъ:

Забывъ о милой Каролинѣ
О прелѣсти ея стиховъ,
Я уѣзжалъ вчера in's Grüne
Послушать вешнихъ соловьевъ;
А бывшія въ собраньи лица
Единогласно говорятъ,
Что эдакъ воетъ лишь волчица... П. Б.

сылать моихъ офицеровъ подъ арестъ на гауптвахту, я ихъ посылаю въ оперу Глинки». Въ то время Глинка переживалъ полнѣйшую неудачу со своей оперой «Русланъ и Людмила»: въ Петербургѣ ее давали впервыя, и дворъ не присутствовалъ, что̀ дало поводъ публикѣ очень холодно ее принять. Листъ нѣсколько разъ видѣлъ Глинку въ полномъ отчаяніи отъ неудачи его оперъ и отъ непризнанія его въ отечествѣ, что̀ и повело его къ страсти искать забвенія въ винѣ. Когда Глинка умиралъ въ Берлинѣ, мой отецъ былъ вызванъ напутствовать его принятіемъ Св. Тайнъ. Видъ Глинки произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе: онъ нашелъ его умирающимъ, но подъ вліяніемъ его страсти, и не могъ никогда забыть этой встрѣчи съ нимъ.

Возвращаюсь къ Листу. «Обыкновенно думаютъ, говорилъ онъ, что въ Парижѣ и Лондонѣ утверждается слава и дается извѣстное имя артистамъ; но это ошибочно. Чтобы чего-нибудь добиться въ этихъ городахъ, нужно отлично быть знакому съ ихъ почвой. Кромѣ того, добиться тамъ своей репутаціи стоитъ много денегъ. Мендельсонъ хотѣлъ развить свою славу въ Парижѣ; онъ поѣхалъ туда; играли его «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Онъ потерпѣлъ полное фіаско; въ своемъ отчаяніи Мендельсонъ поклялся никогда болѣе не бывать въ Парижѣ и никогда не исполнять тамъ своихъ композицій, что̀ и случилось: его сочиненія играли въ Парижѣ только послѣ его смерти. Нужно только подумать, сколько лѣтъ прошло послѣ смерти Бетховена, пока его безсмертныя сочиненія стали играть въ Парижѣ; такой же участи подвергся и Моцартъ. О Веберѣ нечего и говорить: его «Волшебный стрѣлокъ» давался въ Парижѣ въ первый разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Извѣстно, что Италія стала позади всѣхъ: до сего дня ни одной ноты Вебера не было тамъ сыграно публично. Германія въ оперномъ отношеніи, въ сравненіи съ другими націями Европы, сдѣлала шагъ впередъ. Въ теченіе почти двухъ столѣтій Франція снабжала Германію своими операми, теперь роли ихъ измѣнились. Въ настоящее время Германія господствуетъ въ музыкальномъ отношеніи; за ней, по развитію, слѣдуютъ: Франція, Англія и Россія.

Листъ былъ еще очень слабъ по своемъ возвращеніи съ водъ; его пользовалъ гомеопатическій докторъ Гуллонъ въ Веймарѣ. На его столикѣ стояли стаканъ съ водой, съ разведенными гомеопатическими крупинками и бутылка абсента. Онъ сказалъ: «Vous voyez ma nourriture; la médécine et une bouteille d'absinthe. Mais ne croyez pas que je me livre à cette boisson; j'ai abandonné ce régime russe depuis bien des années».

Усиленныя занятія, которымъ Листъ предавался безо всякаго отдыха, не могли не подѣйствовать на его здоровье. Хотя онъ всегда

бывалъ недоволенъ, когда ему приходилось отлучаться изъ Веймара, по музыкальнымъ причинамъ, но несомнѣнно, что поневолѣ онъ прерывалъ свои усиленныя занятія. Онъ очень много писалъ стоя. Гулять, любоваться красотой природы и выѣзжать куда-либо для отдыха онъ считалъ дѣломъ невозможнымъ. Онъ ходилъ обыкновенно съ опущенной головой и не очень скоро, или же, при бодромъ и беззаботномъ расположеніи духа, онъ весело шагалъ впередъ, гордо поднявъ голову.

20-го Іюня. Пѣли въ концертѣ «Пери» Шумана. Были у насъ г-жа Селивачева и ея племянница Ольга Алексѣевна Кирѣева (изъ Москвы). Послѣдняя, какъ и всѣ наши соотечественницы, пріѣзжавшія въ Веймаръ, желала видѣть, а главное слышать Листа. Но раньше, чѣмъ повести ихъ къ Листу, у котораго по Воскресеньямъ были музыкальныя утра, я, изъ предосторожности, спросила его письменно, какъ онъ рѣшитъ, и получила отъ него слѣдующій отвѣтъ (Оригиналъ письма у О. А. Новиковой, рожд. Кирѣевой):

Dimanche matin 21 Juin, sans musique à l'Altenbourg.

J'aurais certainement été charmé de voir m-elle Kiréeff avec vous, chère mademoiselle Marthe, ce matin; mais le sot mal qui me tient aux jambes m'empêche de me lever pendant trois ou quatre jours au moins et j'ai solennellement promis de ne plus faire fi des conseils et ordonnances des médécins à partir du dernier accord en *sol majeur* de la Péri. Veuillez donc bien m'excuser auprès de votre amie et présenter mes très affectueux respects à m-me Pavloff, qui trouvera peut-être un quart d'heure dans l'après-midi pour remplir la promesse qu'elle a bien voulu faire à votre très-affectueux Franz Liszt.

24-го Іюня. Княгиня Витгенштейнъ пригласила меня завтракать, и тамъ я познакомилась съ извѣстнымъ художникомъ фонъ Каульбахомъ, который, по дружбѣ къ Листу, пріѣхалъ въ Веймаръ, чтобы писать портретъ княжны Маріи Витгенштейнъ.

25-го Іюня. Я пошла съ Каролиной Карловной въ Бельведеръ и, гуляя по парку, мы встрѣтили нашу великую княгиню. Видя, что я гуляю съ личностью ей неизвѣстной, она пожелала, чтобы я ей ее представила. По лицу великой княгини я замѣтила, что ее поразили розовыя ленты на шляпѣ у старушки. Павлова, по характеру незастѣнчивая, очень бойко разговорилась съ великой княгиней.

26-го Іюня. Заѣхалъ къ отцу профессоръ Калмыковъ съ женой и племянницей. Мы, дѣти, всегда бывали чичероне всѣхъ Русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Веймаръ; особенно въ лѣтніе мѣсяцы рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кто-нибудь не пріѣхалъ. Такъ и Калмыковыхъ мы сопровождали во дворецъ, въ загородные замки, Бельве-

деръ и Тифуртъ, въ гросъ-герцогскій мавзолей, гдѣ съ царственнымъ ихъ другомъ герцогомъ Карломъ Августомъ покоятся Гёте и Шиллеръ, въ дома Веймарскихъ поэтовъ — Гердера, Виланда, Шиллера и Гёте, показывали ихъ памятники, гросъ-герцогскую библіотеку, музей и т. д. Калмыковы оставались три дня; съ ними были графъ Санти изъ Петербурга и Сергѣй Рачинскій изъ Москвы.

29-го Іюня. Вечеромъ я была у княгини Витгенштейнъ, гдѣ находились Р. Поль съ женою и К. К. Павлова, которая на слѣдующій день уѣзжала изъ Веймара. Листъ великолѣпно игралъ, и К. К. была очень довольна, что провела вечеръ «avec une célébrité», какъ Листъ.

30-го Іюня. Пришла къ намъ со своею тетушкой, баронессой Мальтицъ, А. Ѳ. Тютчева. Обѣ онѣ и 3-го числа провели у насъ вечеръ, вмѣстѣ со многими друзьями; я много играла.

Въ началѣ Августа Листъ вернулся изъ Ахена, гдѣ управлялъ музыкальнымъ праздникомъ. Листъ также своеобразно дирижировалъ, какъ игралъ и писалъ. Онъ никогда не обозначалъ четверти, въ тактахъ по большей части указывалъ оркестру вступленіе новаго періода и только въ мѣстахъ, гдѣ боялся за точность исполненія, онъ велъ оркестръ по обыкновенному способу. Но что̀ давало столько жизни его управленію оркестромъ, это было соблюденіе тончайшихъ оттѣнковъ. Члены оркестра были такъ подвластны ему, что передача казалась какъ будто бы исполненная имъ однимъ; такъ геніально и поэтично бывало исполненіе. Онъ точно одинъ игралъ на оркестрѣ. Бетховенъ, какъ извѣстно, дижировалъ также періодами, что̀ несомнѣнно служитъ къ выясненію мысли исполняемаго произведенія. Своеобразіе манеры Листа дирижировать попало подъ критику тѣхъ господъ капельмейстеровъ, которые, какъ дышащіе метрономы, ведутъ своихъ подчиненныхъ, мало заботясь о характерѣ произведенія. Берліозъ дирижировалъ мастерски, артистически передавая ритмическую сторону сочиненія своему оркестру, соблюдая при этомъ тончайшіе звуковые оттѣнки, дѣлая все это какъ остроумный живой метрономъ. Шуманъ, когда я его видѣла какъ дирижера и сама играла подъ его управленіемъ, уже замѣтно страдалъ разсѣянностью и, начиная очень правильно, иногда останавливался, какъ будто обдумывая что-то, иногда присвистывалъ, наконецъ замедлялъ или ускорялъ тактъ, смотря по тому, какое направленіе приняли его мысли. Его жена, которую рѣшительно скорѣе можно упрекнуть въ слишкомъ мѣрной игрѣ, часто подвергалась его неудовольствію, когда онъ дирижировалъ ея игру. Онъ то находилъ, что она играла слишкомъ скоро, то наоборотъ слишкомъ медленно; но впослѣдствіи все это оказалось въ зависимости отъ его болѣзненнаго состоянія.

Возвращаюсь къ Листу. Нужно сказать, что первые годы онъ сильно жестикулировалъ, чтобы яснѣе показать оркестру свое намѣреніе; но впослѣдствіи оркестръ такъ привыкъ къ нему, что понималъ малѣйшее его движеніе. Если неизвѣстные дирижеры возставали противъ манеры Листа управлять оркестромъ, то это можно объяснить ихъ узкимъ взглядомъ. Но человѣку болѣе образованному и многослыхавшему въ своей жизни, какъ Фердинандъ Гиллеръ, непростительно было возставать противъ Листа, какъ дирижера и композитора, въ цѣломъ рядѣ статей въ Кельнской газетѣ.

23-го Августа. Матинэ у Листа. Онъ игралъ свою симфоническую поэму «Фаустъ», для двухъ фортепіанъ, съ К. Таузигомъ. Въ глазахъ свѣта Таузигъ былъ сынъ учителя музыки Таузига въ Варшавѣ; на самомъ же дѣлѣ его отецъ былъ Польскій помѣщикъ, который предназначалъ его въ купцы; мальчику захотѣлось быть музыкантомъ и, во избѣжаніе всѣхъ принужденій, онъ бѣжалъ отъ отца и пріѣхалъ въ Веймаръ къ Листу, который выхлопоталъ ему позволеніе поступить къ нему въ ученики. К. Таузигу теперь (т. е. въ 1857 году) было 15 лѣтъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ учениковъ Листа, на которыхъ возлагались большія надежды; онъ былъ очень уменъ и начитанъ для своихъ лѣтъ, показывалъ серьезное стремленіе во всѣхъ своихъ работахъ и для молодого мальчика, онъ удивительно интересовался всѣмъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Веймаръ, его механизмъ былъ мало развитъ. Онъ нанялъ себѣ маленькую комнату у рыбака, жившаго около рѣки Ильма, въ паркѣ, и въ этомъ уединеніи развивалъ себѣ пальцы на роялѣ, подъ клавиши котораго были подложены оловянныя пластинки. И дѣйствительно онъ теперь пріобрѣлъ удивительную технику и силу. Что его характеризуетъ, это то, что въ то время онъ уже написалъ «Любовь въ своемъ развитіи» («Die Liebe in ihrer Entwickelung»); при этомъ онъ былъ большой шалунъ и копировалъ Листа во всемъ, хотя самъ былъ очень маленькаго роста. Но должна признаться, что въ характерѣ его были черты сухости, даже жестокости. Напримѣръ: разъ забралась къ нему въ комнату несчастная кошка; онъ схватилъ ее и бросилъ въ огонь.

9-го Сентября. Я провела вечеръ у невѣстки Гёте, рожд. гр. Посвичъ. Это была красивая, умная и живая дама съ бѣлыми волосами, жила она у своей матери, очень почтенной старушки. Тутъ находились и ея сыновья, которые по честности своей дѣлали честь своему дѣду, но у нихъ не было той простоты и здраваго ума, которые отличали потомковъ Шиллера, Виланда и Гердера. Этихъ двухъ молодыхъ людей тягостно давила фамилія Гёте; они не просто брали это, но считали себя обязанными быть чѣмъ-то, а это не удѣлъ каждаго.

Въ началѣ Сентября пріѣхала королева Анна Павловна; съ нею ея неизмѣнная камерфрау Кузовлева, которая единственная имѣла вліяніе на свою своенравную королеву. Дѣти королевы и служащіе у нея часто прибѣгали къ ея посредничеству, чтобы спросить о чемъ-либо королеву. Если бы Анна Павловна изъ Россіи попала въ другую страну, а не въ Голландію, страну торговую и богатую, быть можетъ и характеръ ея развился бы совсѣмъ иначе, какъ напримѣръ случилось съ великой княгиней Маріей Павловной, которая, пріѣхавъ въ Веймаръ, взошла въ среду умственной жизни, въ страну, страдавшую отъ войны, и гдѣ поневолѣ въ ея сердцѣ стало развиваться сочувствіе къ бѣдствіямъ бѣднаго народа.

Всѣ говорили, что по характеру Анна Павловна напоминаетъ своего отца, вслѣдствіе чего я не могу не привести здѣсь безпристрастнаго сужденія Прусскаго посланника Фридриха II-го въ Петербургѣ, графа Герца, о характерѣ Павла Петровича. Сужденіе Герца заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ онъ, оставивъ Прусскую службу въ 1779 году, былъ избранъ умной герцогиней Анной Амаліей воспитателемъ къ ея сыну Карлу Августу. Герцъ говоритъ: цесаревичъ, почтительный и покорный сынъ, нѣжный, вѣрный и угодливый супругъ, правдивый, вѣрный и скромный другъ; онъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, которыя могутъ внушить довѣріе и любовь. У Павла живое чувство правды и справедливости соединяется съ умомъ, вѣрнымъ сужденіемъ, скромностью, познаніями и безграничнымъ желаніемъ въ будущемъ сдѣлать счастливымъ свой народъ. Онъ начинаетъ преодолѣвать свою вспыльчивость и другіе необдуманные юношескіе поступки; а его строгость (далеко не порокъ у князя съ такимъ отличнымъ характеромъ) оказывается необходимостью, чтобы не быть слабымъ».

Послѣ такого отзыва объ отцѣ королевы Анны Павловны надо полагать, что окружавшая ее среда была причиной болѣе капризнаго развитія ея характера.